

И.В.Задорин

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН СНГ: ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Внешнеполитические ориентации и настроения граждан, особенно применительно к ближнему зарубежью, как правило, мало интересуют российских политиков. И на то есть несколько на первый взгляд вполне веских причин. Во-первых, внешняя политика традиционно относится к компетенции элиты, и у той довольно редко возникает потребность «посоветоваться с народом» о чем-то касающемся отношений с другими странами. Во-вторых, политики обычно гораздо больше зависят от позиции электората по вопросам внутренней жизни страны, чем от его согласия по вопросам международным, к которым он питает существенно меньший интерес (исключение — вопросы войны и мира). В-третьих, отношение россиян к странам СНГ кажется совершенно ясным и неизменным, не требующим дополнительного подтверждения. Согласно утвердившемуся в политических кругах мнению, *россияне сожалеют о распаде СССР, питают искреннюю симпатию к большинству бывших «братских» союзных республик и очень хотели бы объединить их в новом союзе.*

Выражу сомнения в обоснованности каждой из перечисленных установок. Во внешней политике имеется ряд вопросов, решения по которым в демократических странах не могут быть приняты через голову народа, и прежде всего это вопросы интеграции (недоучет данного фактора способен привести к серьезным конфузам типа провала голосований по европейской конституции и т.п.). Отношения с соседями по СНГ волнуют россиян не меньше, а порой и больше, чем внутренние проблемы. Наконец, восприятие СССР и СНГ постепенно меняется и уже не носит столь однозначно позитивного характера, как это было когда-то. Более того, полагаю, что общественные настроения не могут не влиять на внешнеполитические игры на постсоветском пространстве. В интеграции, как и в любви, важна взаимность — при отсутствии таковой самые благие «ухаживания» вызовут лишь отторжение.

Республики бывшего Советского Союза уже давно не «сестры-близнецы»; они заметно отличаются друг от друга по многим параметрам, в том числе по общественным настроениям и доминирующим в массовом сознании идеологическим концепциям. Чтобы понять, в какой мере эти различия сказываются на отношении населения к тем или иным формам сотрудничества и интеграции на постсоветском пространстве, прежде всего целесообразно проанализировать отношение

рядовых граждан Новых независимых государств (ННГ) к СССР и его распаду как к первопричине самого вопроса об интеграции¹.

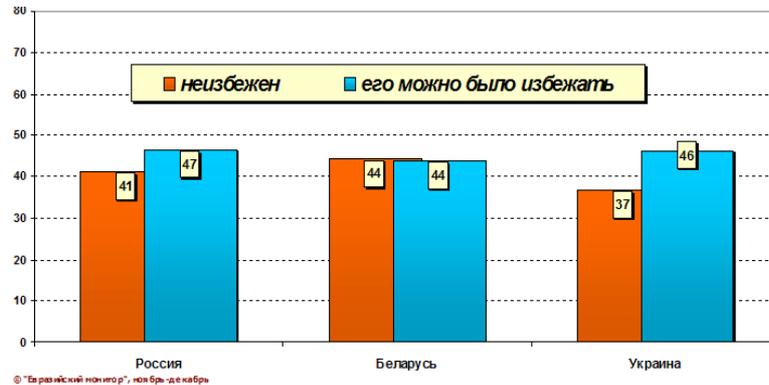
**Back in USSR?
Ресурс
общественной
поддержки
реинтеграции**

Вопрос об отношении граждан ННГ к Советскому Союзу и его распаду имеет принципиальное значение с точки зрения перспектив интеграционных процессов на постсоветском пространстве. С одной стороны, ностальгия по СССР и позитивно окрашенные воспоминания об общем историческом прошлом используются рядом политиков в качестве аргумента в пользу возможности и даже желательности реинтеграции, то есть объединения всех (или большинства) бывших союзных республик в единое государство. С другой стороны, наличие таких настроений является своего рода ограничителем, который учитывают противники какой-либо интеграции на постсоветском пространстве при проведении соответствующего курса. В обоих случаях отношение масс к СССР (позитивное или негативное) рассматривается как политический ресурс, и важно оценить, насколько этот ресурс велик и эффективен.

Обсуждая отношение населения ННГ к распаду Советского Союза, небесполезно вспомнить, что обретение независимости бывшими союзными республиками в 1991 г. практически везде происходило при полном отсутствии «освободительной борьбы» со стороны этого самого населения (исключение составляли лишь три прибалтийские республики и, пожалуй, часть Украины). В данном случае народы СССР никак нельзя признать активными субъектами радикальных геополитических изменений. Многим странам СНГ независимость буквально свалилась на голову, как результат конъюнктурных (а в России к тому же и безответственных) действий некоторых национальных элитных групп. Именно поэтому в публичном дискурсе о распаде советской империи и возникновении постсоветского пространства такой популярностью пользуется тезис о том, что *Союз развалили амбициозные политики, поправ волю народа, выраженную им на референдуме в марте 1991 г.* Естественно, главным контраргументом «ответственных» политических лиц все эти годы являлся тезис *о неизбежности развала СССР и о спасительной роли быстрого оформления «развода», позволившего избежать югославизации страны.* Посмотрим, какой отклик находят эти тезисы сегодня в массовом сознании объекта тех исторических решений — населения стран СНГ.

Прежде всего бросается в глаза серьезная дифференциация мнений по поводу неизбежности распада СССР. Во всех трех странах (России, Украине и Беларуси), где в преддверии 15-летия беловежских соглашений проводились опросы населения в рамках 6-й волны «ЕМ» (ноябрь 2006 г.), респонденты разделились примерно поровну (см. *рис. 1*). Приблизительно половина респондентов сочла, что распад был неизбежен, половина — что его можно было избежать. Причем в России и на Украине последних было чуть больше.

Рисунок 1 Ответы на вопрос: «15 лет назад прекратил свое существование Советский Союз. Как Вы сейчас считаете, распад Советского Союза был неизбежен или его можно было избежать?»

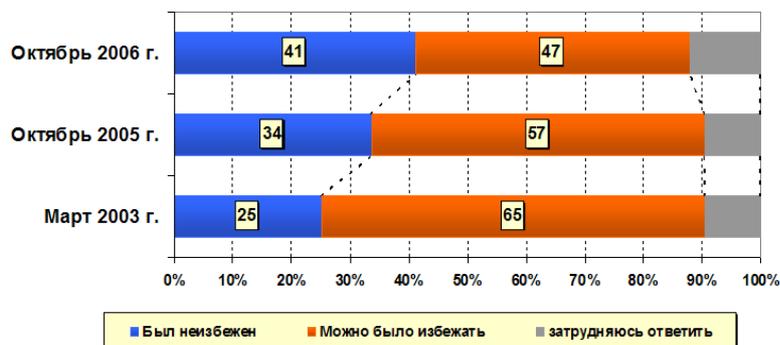
Во всех трех странах большинство респондентов «сожалеют о случившемся». Чаще всего такое отношение встречается, конечно, в России (66% в 2005 г. и 68% в 2006 г.²), которая была ядром бывшего единого государства, но оно распространено и на Украине (55—59%), и в Беларуси (52—55%).

Таким образом, можно констатировать, что в массовом сознании трех славянских народов до сих пор дает о себе знать социально-психологическая травма «развода» и для очень многих рядовых граждан аргументы лидеров дезинтеграции тех лет выглядят не более убедительными, чем это было в декабре 1991 г.

Вместе с тем следует признать, что отношение населения ННГ к событиям того времени довольно быстро меняется. По данным ВЦИОМ, только за период с марта 2003 по октябрь 2006 г. доля респондентов, полагающих, что распад СССР был неизбежен, увеличилась в России в полтора раза (см. *рис. 2*). И этот процесс не случаен. В последние годы происходит активное «перелегендирование» революции конца 1980-х — начала 1990-х годов, рассчитанное в первую очередь молодежь, не имеющую личного «советского» опыта. И молодое поколение уже нередко воспринимает эту новую легенду в качестве истинной истории СССР и его распада.

История знает немало примеров, когда спустя 15—20 лет после тех или иных революционных событий неожиданно обострялся вопрос об их легитимации. Дело в том, что к этому времени в активную деятельность включается поколение, не имеющее чувственного опыта переживания тех событий, и правящая элита вынуждена искать пути, которые бы позволили легитимировать ее положение в глазах этого поколения. Отсюда потребность в объяснении того, что же, собственно говоря,

Рисунок 2 Ответы на вопрос: «Как Вы сейчас считаете, распад Советского Союза был неизбежен или его можно было избежать?» (Россия, ВЦИОМ)

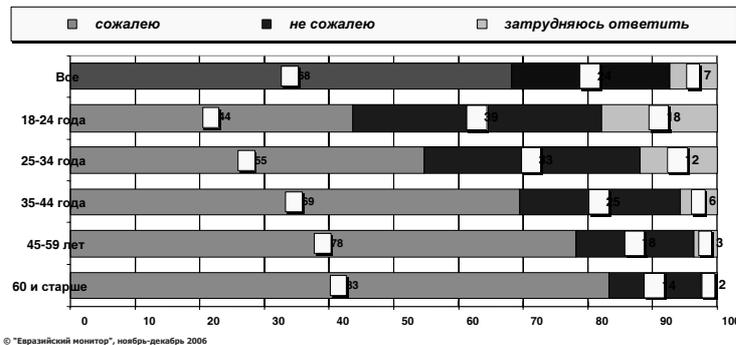
случилось, откуда она, нынешняя власть, взялась, почему действует именно так, а не иначе. В этих условиях обоснование истории является для доминирующего класса просто социально обусловленным императивом.

Для молодых людей, которые приходят сегодня в политику в различных странах СНГ и переосмыслиют распад СССР, многие моменты той эпохи, по поводу которой ностальгирует старшее поколение, уже непонятны. Поэтому начинается борьба за соответствующую интерпретацию истории. Результатом такой борьбы, как правило, становится некий «Краткий курс истории чего-то...», который отличается от реальной истории прежде всего так называемой когнитивной простотой. Иначе говоря, в нем, как и в любом мифе, четко обозначены и внятно для массового потребителя разделены добро и зло, с тем чтобы каждый мог понять, кто же тогда выступал в роли дьявола, а кто — ангела. Так было и с историей Октябрьской революции, и с историей Великой Отечественной войны; так же пишется сейчас «краткий курс» распада СССР, и пишется он вполне определенным образом, которым задается представление о неизбежности происшедшего.

Результат таков: если среди российских респондентов старше 60 лет 59% считают, что распада СССР можно было избежать, и вдвое меньше полагают обратное, то среди молодежи от 18 до 24 лет распределение уже прямо противоположное (50% — «распад был неизбежен», 27% — «его можно было избежать»).

Столь же высокую корреляцию с возрастом респондента дают ответы на вопрос: «Вы лично сожалеете или не сожалеете о том, что Советский Союз распался?» (см. рис 3). Если старшее поколение россиян в своем большинстве (83% в 2006 г.) сожалеет о распаде СССР, то молодежь испытывает подобные эмоции гораздо реже (44%).

Рисунок 3 Ответы на вопрос: «Вы лично сожалеете или не сожалеете о том, что Советский Союз распался?» (Россия)

Сходная картина наблюдается и во всех остальных странах, где задавался соответствующий вопрос³, но с еще большей возрастной дифференциацией. Так, в Беларуси и Казахстане сожаление по поводу распада СССР выразило менее 20% респондентов в возрасте до 24 лет (при более чем 50% не сожалеющих).

Естественно, что на вопрос: «По вашему мнению, сегодня возможно или невозможно воссоздание единого Союза бывших республик?» — подавляющее большинство респондентов (от 68% в России до 76% в Беларуси, по данным на ноябрь 2006 г.) теперь отвечает отрицательно. При этом здесь уже не действует возрастной фактор: в воссоздании СССР одинаково не верят ни старые, ни малые.

Общественное мнение ННГ по поводу распада СССР во многом соответствует известной фразе В.Путина: «Тот, кто не сожалеет о развале Союза, не имеет сердца, но тот, кто предполагает его восстановление, не имеет разума». Формула «Сожалею, но не верю, что можно что-либо исправить» является доминирующей даже среди трех славянских народов, в значительной степени составлявших костяк СССР. Это означает, что *массовая ностальгия по советской империи* хотя и создает еще определенный эмоциональный фон для новых интеграционных процессов, но уже не может рассматриваться в качестве серьезного политического ресурса, становясь исключительно предметом историко-философских дискуссий и литературных реминисценций.

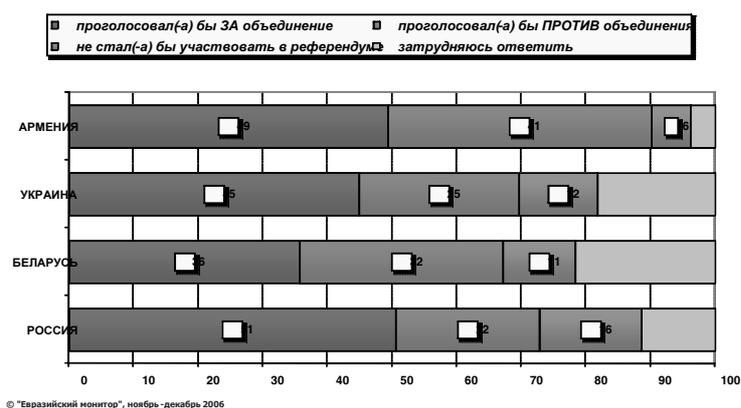
Кроме того, надо понимать, что позитивное отношение к СССР может иметь под собой самые разные основания. С одной стороны, за ним может скрываться позитивное восприятие большой интернациональной страны и великой державы (империи в хорошем смысле слова), с другой — тоска по социальным гарантиям и коллективистской

идеологии, причем одно далеко не всегда связано с другим. Среди респондентов, мечтающих о восстановлении Советского Союза, немало людей, испытывающих естественную ностальгию по годам своей юности (для них выражение «как хорошо было в СССР» значит почти то же, что и «как хорошо было в молодости»). Иными словами, из числа реальных сторонников восстановления интернациональной империи (как правило, представителей старших возрастных групп) можно смело исключить довольно большую группу лиц, в действительности испытывающих желание вернуться в социализм или просто в молодые годы.

Таким образом, можно смело констатировать, что в массовом сознании граждан бывших союзных республик общее историческое прошлое все меньше является основанием для общего будущего в рамках некоего нового союза. В первую очередь это относится к молодежи, для которой единое прошлое (как советское, так и более раннее) зачастую не просто не столь привлекательно, но и весьма туманно и лишено какой-либо эмоциональной или рациональной нагрузки.

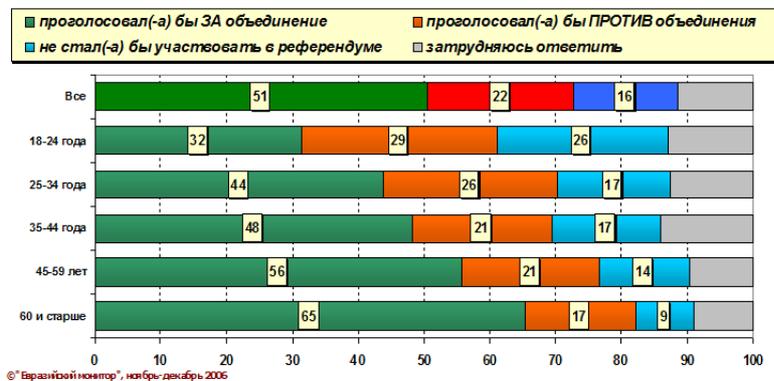
Описанное выше отношение к распаду СССР отчетливо проявляется в итогах гипотетических референдумов о восстановлении Союза. В рамках опросов октября 2006 г. респондентам «ЕМ» был задан вопрос: «Если бы сегодня проводился референдум об объединении бывших союзных республик в новый Союз, Вы бы лично проголосовали за объединение или против объединения?». Результаты «голосования» оказались довольно любопытными. Если в России и на Украине доля тех, кто проголосовал бы за объединение, еще существенно превышает долю тех, кто проголосовал бы против, то в Беларуси и Армении перевес в пользу первых уже минимален (см. рис. 4).

Рисунок 4 Ответы на вопрос: «Если бы сегодня проводился референдум об объединении бывших союзных республик в новый Союз, Вы бы лично проголосовали за объединение или против объединения?»

При этом здесь опять же «работает» возрастной фактор. Например, в России старшее поколение проголосовало бы в пользу объединения с безоговорочным отрывом, а молодое разделилось: 32% за объединения и 29% против (см. рис. 5). Еще более склонна поддерживать раздельное и автономное существование своих стран молодежь из других ННГ.

Рисунок 5 Ответы на вопрос: «Если бы сегодня проводился референдум об объединении бывших союзных республик в новый Союз, Вы бы лично проголосовали за объединение или против объединения?» (Россия)

Представленные данные позволяют утверждать, что если бы референдум о воссоздании СССР действительно был проведен «в ближайшее воскресенье», то он, скорее всего, дал бы отрицательный результат. Иначе говоря, весьма сомнительно, чтобы в стержневых странах бывшего СССР (России, Украине, Беларуси и Казахстане) сторонники воссоздания Союза набрали конституционное большинство в 50% голосов. А в недалеком будущем (через 7–8 лет), когда смена поколений произойдет окончательно, выбор в пользу нового Союза станет совсем маловероятным, о чем свидетельствует динамика общественного мнения и возрастная структура сторонников и противников соответствующего решения.

Таким образом, вопрос о реинтеграции (в смысле воссоздания некоего подобия СССР) для граждан ННГ если и не закрыт вовсе, то неактуален. Но актуальна ли «новая интеграция»?

Новые ориентиры интеграции

В рассуждениях относительно «новой интеграции», основанной уже не на стремлении восстановить «нарушенные хозяйственные связи» и «историческую целостность», а на соображениях экономической и политической целесообразности, особого внимания заслуживают два

аспекта: во-первых, новые *векторы* (направления) интеграции, которые выбирает население стран СНГ и Балтии, и, во-вторых, *стимулы* к интеграции, то есть факторы и условия, способствующие (или, напротив, препятствующие) формированию интеграционных настроений у граждан ННГ.

Говоря о новых векторах интеграционных устремлений, необходимо понимать, что с распадом СССР массовое сознание бывших братских республик неизбежно должно было отказаться от выбора союзников только из ограниченного и определенного «сверху» круга. Во времена тяжелых социально-экономических и политических кризисов люди склонны пересматривать состав своих друзей, тем более что в 1990-е годы политические элиты ННГ довольно активно метались в поисках новых опор и «крыш» и эти метания не могли не сказаться на массовом сознании. Поэтому очень интересно посмотреть, кого, какие страны сегодня считают союзниками граждане ННГ и с кем бы хотели «дружить».

Еще в рамках 4-й волны «ЕМ» (октябрь 2005 г.) респондентам из четырех стран СНГ задавался открытый вопрос: «*Какие из стран мира Вы прежде всего хотели бы видеть в числе союзников и друзей нашей страны?*». Полученные в ходе опроса данные (см. табл. 1) однозначно указывают на то, что для многих граждан некогда объединенных стран наиболее желанным партнером и союзником по-прежнему остается Россия как бывший центр СССР. Вместе с тем налицо и новые симпатии и антипатии⁴.

Немалая часть граждан Беларуси и Украины хотела бы видеть в числе союзников своей страны соседние европейские государства —

⁴ О вероятных противниках см. данные 5-й волны «ЕМ» (www.eurasiamonitor.org).

Таблица 1 Ответы на вопрос: «Какие из стран мира Вы прежде всего хотели бы видеть в числе союзников и друзей нашей страны?» (в %)

	<i>Россия</i>	<i>Беларусь</i>	<i>Украина</i>	<i>Казахстан</i>
Англия	7	4	5	4
Беларусь	25		28	8
Германия	18	17	12	11
Казахстан	12	5	7	
Китай	6	3	1	11
Литва	0	5		0
Польша	1	20	9	0
Россия		64	55	55
США	11	7	9	16
Украина	23	32		11
Франция	10	7	5	5
Япония	4	1	1	7
Никакие	15	3	7	10
Нет ответа	22	11	20	19

Германию, Францию, Польшу. Напротив, многие казахстанцы приветствовали бы дружбу с Китаем и США. Иными словами, у России как традиционного «старшего брата» бывших союзных республик уже давно появились конкуренты. Причем сами россияне довольно плюралистичны в выборе друзей — у них нет четких предпочтений на этот счет, хотя настроения в пользу «братьев-славян» — Украины и Беларуси — выражены сильнее (и свыше трети респондентов — 37%, то есть больше, чем где-либо еще, — вообще не назвали ни одной страны, которую бы они хотели иметь в союзниках).

Понятно, что союзничество и взаимопомощь, рассматриваемые в глобальном масштабе, — это не совсем то же, что интеграция на постсоветском пространстве. Можно иметь «крышу» и друга в лице США, но вряд ли кто-то рассчитывает в обозримом будущем превратиться в партнера американцев по какому-то межгосударственному объединению. Поэтому начиная с мая 2006 г. в рамках проекта «ЕМ» стал регулярно задаваться вопрос: «С какими из указанных стран, на Ваш взгляд, было бы правильно объединиться нашей стране?». В отличие от предыдущего вопроса, он ставится в закрытой форме, то есть респондентам предлагался фиксированный набор вариантов ответа, в основном охватывающий ННГ, что позволяет выявить предпочтительные векторы интеграции в пределах бывшего Советского Союза.

Как видно из *табл. 2*, центром притяжения и наиболее предпочтительным интеграционным партнером для многих постсоветских респондентов по-прежнему выступает Россия. Это касается граждан Армении, Беларуси, Украины, Казахстана, Киргизии, Таджикистана (по некоторым данным, и Узбекистана тоже). Вместе с тем две закавказские республики (Грузия и Азербайджан), не говоря уже о странах Балтии, фактически вышли из зоны ее влияния, и их население в большинстве своем отдает предпочтение совсем иным направлениям интеграции, в частности *Европейскому Союзу*. Еще более желанным, нежели ЕС, партнером по интеграции для граждан Азербайджана является близкая по языку, религии и культуре *Турция*, а грузины чаще всех остальных народов высказываются за *самостоятельное развитие* без вхождения в какие-либо альянсы, союзы и объединения. Непростое положение в Молдове: ее население практически в равных долях разделилось на сторонников европейского и российского (постсоветского) направления интеграции, пока с небольшим перевесом в пользу последнего (хотя надо учесть еще 17% респондентов, готовых объединиться с Румынией). Сходная бивекторность интеграционных устремлений начинает просматриваться и у ближайших соседей России — Украины и Беларуси.

А что же россияне? Многие из них все еще хотели бы вновь собрать в одно государство некогда единые народы, прежде всего народы России, Беларуси, Украины и Казахстана, однако налицо и повышение доли «автономистов» — респондентов, считающих, что «нашей стране не надо объединяться ни с какой из указанных стран и объединений» (32% в мае и 37% в октябре 2007 г.). В этом наши сограждане начинают

Таблица 2 Ответы на вопрос: «С какими из указанных стран, на Ваш взгляд, было бы правильно объединиться нашей стране?» (октябрь 2007 г., в %)

⁵ Данные по Азербайджану относятся к маю 2007 г.

	Россия	Беларусь	Украина	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Армения	Грузия	Азербайджан ⁵	Молдова	Латвия
с Россией		52	52	51	73	78	71	12	12	42	18
с Беларусью	34		34	7	4	13	4	0	2	2	8
с Украиной	31	24		7	6	10	4	7	12	5	7
с Казахстаном	24	12	20		37	30	2	0	5	1	1
с Киргизией (Кыргызстаном)	11	2	4	4		16	2	0	1	1	0
с Таджикистаном	10	3	4	2	2		2	0	1	1	1
с Арменией	12	3	4	1	0	4		1	0	1	1
с Грузией	9	3	4	2	0	4	3		9	3	1
с Азербайджаном	11	3	5	2	0	7	2	4		1	1
с Молдовой	11	5	5	2	1	5	2	0	1		2
с Узбекистаном	11	3	5	5	9	24	2	0	1	0	0
с Турцией	2	3	2	5	9	10	2	1	31	1	1
с Европейским Союзом	14	25	23	16	13	15	22	21	21	31	30
не надо объединяться ни с кем	37	21	20	33	16	10	8	52	29	13	39

походить на казахстанцев, среди которых также растет доля сторонников автономного развития (с 24% в октябре 2006 до 33% в октябре 2007 г.).

Глядя на данные опросов россиян, можно вслед за некоторыми историками и философами сделать вывод об «исторической усталости» русского народа. В представленных ответах эта усталость от расширения, экспансии проявляется довольно отчетливо. Сегодня россияне чаще демонстрируют склонность не к экспансии, а к автономному развитию («сосредоточиванию»). Не готов сразу согласиться с термином «новый изоляционизм», употребляемым отдельными авторами для обозначения этого явления, но известные мифы об «имперскости» русского народа данные опросов, безусловно, подвергают сомнению.

Таким образом, будь у рядовых граждан постсоветских стран право решать судьбу интеграции, они, может быть, и создали бы на обломках СССР новое интеграционное объединение, однако за его пределами остались бы как минимум шесть из 15 бывших союзных республик (к Грузии, Азербайджану и странам Балтии следует добавить и Туркмению). Но, скорее всего, появилось бы сразу два альянса — *Европейский*

(Беларусь, Украина, Молдова, Армения и Россия) и *Азиатский* (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и опять же Россия), причем второй был бы гораздо более вероятен и устойчив, чем первый.

Вообще, в ответах респондентов явно просматривается стремление выбирать в качестве потенциальных партнеров по интеграции соседние страны. Эти страны известны и понятны респонденту, близки ему по культуре, религии, менталитету жителей. Отсюда — большая склонность к двусторонним и узорегиональным альянсам, нежели к многосторонним, чью полезность населению надо еще объяснить и доказать.

Судя по всему, на динамику интеграционных устремлений серьезно влияют, с одной стороны, ситуация внутри соответствующих стран (стабильность и экономические успехи повышают долю «автономистов», и наоборот), а с другой — успехи или неудачи уже «объявленных» союзов и интеграционных образований. В частности, по многим косвенным данным можно утверждать, что рост проевропейских устремлений белорусов и заметное уменьшение доли россиян, видящих в Беларуси потенциального интеграционного партнера (с 46% в апреле 2006 до 33,5% в октябре 2007 г.), вызваны разочарованием в так и не состоявшемся Союзе двух государств, демонстрирующем в последнее время не углубление партнерства, а обострение экономических и политических противоречий.

Выявленные выше тенденции во многом подтверждаются и результатами мониторингового исследования отношения граждан СНГ к возможному объединению не с отдельными странами, а с целыми интеграционными образованиями, в том числе гипотетическими (см. *табл. 3*).

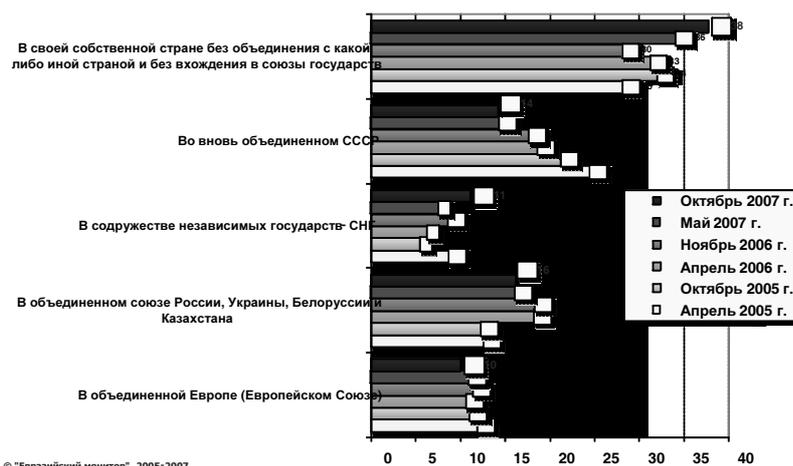
Нетрудно заметить, что при предложении выбрать «для сожительства» не отдельную страну, а целый союз, число сторонников автономного развития в некоторых странах резко увеличивается. Так, если к интеграции с Россией было готово свыше 70% армянских респондентов (и 8% не хотели объединяться ни с кем), то жить в более широком союзе хотело бы уже менее трети. Сходная картина типична для Таджикистана и Киргизии. Похоже, что для жителей стран с непростым экономическим положением привлекательной выглядит интеграция только с каким-то одним сильным партнером, способным помочь и защитить, но не со многими, такими же ослабленными и проблемными. В этой ситуации выгоды двусторонней интеграции очевидны, в то время как возможные последствия многостороннего союза туманны и даже пугающи. Между тем, как уже отмечалось, именно тяжелая экономическая обстановка в стране зачастую и стимулирует у ее граждан интеграционные настроения.

Динамика ответов на приведенный вопрос за 2,5 года наблюдений (с апреля 2005 по октябрь 2007 г.) не очень выраженная, но характерная. Например, в России (см. *рис. б*) за указанный период более чем на 10% снизилась доля желающих жить в воссозданном СССР и на 8%

Таблица 3 Ответы на вопрос: «Если бы Вы могли выбирать, то в какой стране или объединении стран Вы бы хотели жить?» (октябрь 2007 г., в %)

	<i>Россия</i>	<i>Беларусь</i>	<i>Украина</i>	<i>Казахстан</i>	<i>Армения</i>	<i>Киргизия</i>	<i>Таджикистан</i>	<i>Грузия</i>	<i>Молдова</i>	<i>Латвия</i>
в объединенной Европе (Европейском Союзе)	10	20	22	11	12	7	12	27	42	37
в объединенном союзе России, Украины, Беларуси и Казахстана	16	23	31	17	11	38	16	10	22	6
в содружестве независимых государств — СНГ	11	12	6	21	6	14	10	1	3	4
во вновь объединенном СССР	14	12	9	10	5	16	13	3	10	7
в своей собственной стране без объединения с какой-либо иной страной и без вхождения в союзы государств	38	22	26	36	56	23	47	47	13	34
затрудняюсь ответить	11	11	6	6	10	3	3	12	10	12

Рисунок 6 Ответы на вопрос: «Если бы Вы могли выбирать, то в какой стране или объединении стран Вы бы хотели жить?» (Россия)

увеличилась доля автономистов. Есть основания полагать, что подобное ослабление тяги россиян к «союзостроительству» связано с укреплением экономического положения страны.

В Беларуси и на Украине наблюдаются небольшие конъюнктурные колебания вокруг средних значений, а в Казахстане растет доля желающих жить «в своей собственной стране без объединения с какой-либо иной страной и без вхождения в союзы государств» (за 2,5 года они выросли на 11%) с таким же уменьшением доли предпочитающих «союз четырех». Показательно, что во всех странах «большой четверки» за исключением Украины номинация «в своей собственной стране» набирает наибольшее число голосов. Получается, что одной из наиболее «открытых» для интеграционных инициатив, в том числе и на постсоветском пространстве, является Украина, тогда как россияне и казахстанцы демонстрируют склонность к «изоляционистским» настроениям. Кстати, граждане Украины наиболее критически среди жителей стран «большой четверки» оценивают свое материальное положение. Не в этом ли разгадка их интеграционных устремлений?

Как бы то ни было, следует констатировать, что ни в одной стране (кроме, пожалуй, Армении), по большому счету, нет консолидированной позиции в отношении потенциальных интеграционных проектов. В каждой так или иначе присутствует разногласие мнений. Устойчивых внешнеполитических и интеграционных ориентиров в массовом сознании еще не сложилось. При этом межпоколенческая дифференциация мнений внутри страны, как правило, выше, чем межстрановая дифференциация.

Действительно, ответы респондентов старшего возраста и молодежи на вопрос о предпочтительных векторах интеграции разительно отличаются. В качестве примера приведу данные опроса по четырем странам — России, Беларуси, Украине и Казахстану (см. табл. 4). В варианте «постсоветская интеграция» объединены предпочтения СССР, СНГ и «союза четырех».

Новое поколение в целом не жалуется на СССР и его преемника — СНГ. Молодежь Беларуси и Украины чаще отдает предпочтение интеграции в ЕС, молодежь России и Казахстана — автономному развитию. Старшее поколение, напротив, еще очень часто выбирает СССР или другие варианты интеграции на постсоветском пространстве.

Вообще говоря, вопрос о внешнем («европейском», «западном») или внутреннем («постсоветском», «евразийском») векторе интеграции является очень серьезным разделяющим фактором. Во многих странах СНГ этот вопрос буквально раскалывает общество пополам (см. рис. 7).

Представленные данные позволяют утверждать, что, сожалея о распаде СССР, россияне, скорее всего, переживают не столько о «разводе» с некоторыми республиками бывшего Советского Союза, сколько об уничтожении великой, сильной державы. Прозападная ориентация значительной части населения Казахстана связана главным образом с тем, что эта страна реально имеет гораздо большие экономические

Таблица 4 Доля ответов на вопрос: «В какой стране или объединении стран Вы бы хотели жить?» – в разных возрастных группах (октябрь 2007 г., в %)

	Беларусь		Россия		Украина		Казахстан	
	18–24 года	60 лет и старше						
Европейская интеграция	36	8	19	3	34	12	17	6
Постсоветская интеграция	28	61	23	57	32	55	35	38
Автономное развитие	22	20	45	29	26	27	43	48
затрудняюсь ответить	14	11	13	11	8	6	6	8

Рисунок 7 Ответы на вопрос: «С кем сегодня важнее развивать партнерские отношения нашей стране?» (октябрь 2005 г., в %)

связи с Западом (а следовательно, и зависимость от него), чем, например, с теми же Украиной и Беларусью.

Что касается Украины и Беларуси, то здесь мы сталкиваемся с метаниями массового сознания между Россией и Западом. И если старшее поколение выбирает постсоветский Восток, то молодежь — европейский Запад. Впрочем, последнее характерно и для молодежи России и Казахстана (50–60% респондентов этой возрастной группы).

Таким образом, можно заключить, что новые интеграционные ориентиры населения стран бывшего СССР еще складываются, и процесс этот далек от завершения. На выбор в пользу того или иного

вектора интеграции (или автономного развития без вступления в альянсы и союзы) большое влияние оказывает текущая экономическая ситуация в стране (склонность к интеграции заметно возрастает при ее ухудшении), а также экономические успехи и/или неудачи основных центров притяжения — России и Европейского Союза. Вместе с тем изучение факторов, стимулирующих и дестимулирующих интеграционные устремления, конечно, необходимо продолжить, ведь за пределами нашего рассмотрения остались многие социокультурные (гуманитарные) предпосылки интеграции, о чем, уверен, еще расскажут исследования «Евразийского монитора».

* * *

Подводя итоги проведенного выше анализа, можно констатировать, что реинтеграция постсоветского пространства, основанная на общем историческом прошлом, уже не является желанной (и даже просто привлекательной) для очень многих граждан СНГ, хотя ностальгия по СССР как дружной семье народов и великой интернациональной империи еще остается довольно распространенной.

Возможно, в первые годы после распада СССР у «союза суверенных государств» (Н.Назарбаев) и был шанс реализоваться, но этот шанс упущен. В независимых странах, возникших на обломках Советского Союза, появилась и окрепла новая национальная элита, уже никак не связанная с советским прошлым. Самореализация этой элиты основана на усилении государственного суверенитета, а не на передаче его наднациональным органам. Новые политики хотят видеть себя лидерами суверенных государств, равными по статусу сильным мира сего, а не администраторами «самоуправляемых» автономий.

Соответствующие установки лидеров СНГ уже во многом усвоены и обществом. Формируется новая национальная идентичность, включающая в себя осознание своей страны в качестве части всего мира, а не только постсоветского пространства. То, что для старшего поколения стран СНГ является совершенно неестественным и болезненным разрывом единого целого, воспринимается молодыми людьми тех же стран как естественное обретение их родиной суверенности, а неестественными и непонятными в их глазах выглядят как раз передача этой суверенности в некий «союзный центр» и объединение с кем-то далеким. Все это порождает мучительный поиск каждой страной своей новой позиции в пространстве мировых центров силы. И хотя для значительной части граждан бывших советских республик Россия по-прежнему привлекательна в качестве интеграционного партнера, новая национальная идентичность зачастую выстраивается в первую очередь через оппозицию к России. К сожалению, многие политические деятели СНГ, обеспечивая свою политическую легитимность как национальных лидеров в том числе и за счет форсированного обоснования суверенности и

⁶ Яркой иллюстрацией такого подхода служит известная книга бывшего президента Украины Л. Кучмы «Украина — не Россия». На мой взгляд, в самой формуле ее заголовка отчетливо проявились слабость национальной самоидентификации (автор не смог найти никаких более важных слов об Украине, кроме слов о России) и так называемый внешний locus контроля (объяснение собственного положения преимущественно внешними обстоятельствами). Оба этих качества, как известно, характерны прежде всего для подростковой психологии.

независимости возглавляемых ими государств, не могут обосновывать эту суверенность иначе как в противопоставлении России⁶.

Не считается при проведении политики интеграции с процессом обретения «самости» элитами и гражданами СНГ нельзя. Брошенный в свое время лозунг «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» пока не выработал свой исторический ресурс — новые национальные элиты еще «не наелись». Поскольку процесс суверенизации на постсоветском пространстве далек от своего пика, противопоставлять ему процесс интеграции — значит подвергать последний риску быть дискредитированным и оболганным (сегодня любой интеграционный проект может быть истолкован как экспансионистские происки Москвы). Новую интеграцию, не основанную на общем прошлом, надо тщательно готовить и обосновывать, ибо ее целесообразность для населения уже неочевидна и требует объяснений и доказательств.

Чтобы быть принятой народами интегрирующихся государств, новая интеграция, по всей видимости, должна строиться на трех важных принципах:

- **сначала экономика и гуманитарное сотрудничество, а потом политика и военные альянсы**; сначала экономическая выгода от партнерства, а уже потом закрепление данной выгоды политическими союзами (при нарушении этой последовательности военно-политические соглашения неизбежно окажутся «средством платежа» и способом получения экономических преференций; кроме того, экономическая выгода, в отличие от военно-политической целесообразности, не требует специальных обоснований для масс);
- **от узкого и локального к широкому и глобальному**; всеобщей интеграции должен предшествовать этап двусторонних и региональных альянсов (рядовым гражданам легче адаптироваться к союзам нескольких, нежели к Союзу многих; интересным при этом мог бы оказаться опыт включения в постсоветские интеграционные образования стран, не входивших в Советский Союз, например Монголии, Сербии и т.п.);
- **постепенность и историчность**; новая интеграция — процесс исторический, а «история есть смена поколений»; дезинтеграционная и изоляционистская элита в конце концов уступит место элите интеграционной и глобально-ориентированной, но для этого должно смениться поколение; любое форсирование процесса рискованно.